

УДК 821.111.09(73) : 398

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Ч.У. ЧЕСНАТА «КОЛДУНЬЯ»

А. Н. Кормилицына

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
кафедра зарубежной литературы и сравнительного культуроведения

В статье рассматриваются особенности использования фольклорного материала в сборнике рассказов Ч. У. Чесната «Колдунья». Учитывается контекст взаимодействия афроамериканских литературных традиций, выделены основные функции фольклорных элементов в художественной структуре сборника рассказов.

Ключевые слова: *афроамериканский фольклор, литературная традиция, трикстер, образ предка, повествовательные приемы, негритянский диалект.*

Проза Чарльза Уоддела Чесната, афроамериканского писателя рубежа XIX–XX вв., традиционно рассматриваемая в контексте проблематики этнических литератур, наряду с произведениями таких известных писателей как П. Л. Данбар и У. Дюбуа, демонстрирует новый этап взаимодействия фольклорной и литературной традиций в творчестве негритянских писателей. Рубеж XIX–XX веков, отмеченный широким обращением к устно-поэтическому материалу, становится показательным для становления художественного сознания афроамериканских писателей, играя важную роль в преодолении подражательности негритянской литературой.

Но если в творчестве П. Л. Данбара и У. Дюбуа мы можем говорить лишь об опосредованном влиянии негритянского фольклора, когда часть этнографического материала использовалась для воссоздания быта и нравов чернокожих с целью придания местного колорита, (к примеру, в «диалектной поэзии» П. Л. Данбара), или воспроизводилась с документальной точностью, став источником социо-культурного исследования (как у У. Дюбуа), то в произведениях Ч. У. Чесната элементы афроамериканского фольклора осознанно и целенаправленно используются для выполнения дополнительных функций: в качестве средств построения композиции художественного текста, характеристики персонажей и реализации идейно-эстетических концепций.

Из двух способов освоения писателями фольклора, выделенных известным исследователем Хэннином Кохэном в работе «Американская литература и американский фольклор», – описательного и функционального, последний отражает подход Ч. Чесната к использованию этнографического материала, сюжетов, образов и приемов повествования, что ставит рассказы сборника «Колдунья» (*The Conjure Woman*, 1899) [6], Ч. Чесната в один ряд с малой прозой В. Ирвинга, Н. Готорна, Г. Мелвилла, Э. По и М. Твена, которые

также использовали фольклорные элементы для «постановки и объяснения вопросов, связанных с природой социального устройства общества» [7, 272].

Если для черных американцев и их африканских предков, окружающий мир предстает населенным духами, все в природе одушевлено, взаимосвязано и взаимодействует: птицы говорят, деревья плачут, люди становятся частью живой природы – виноградником, сосной, волком, птицей, то рациональное мышление Джона опирается на западную философию, на «естественные законы», почерпнутые из трудов Г. Спенсера [10], что вынуждает его относиться к историям чернокожего рассказчика с изрядной долей скептицизма и снисходительности. «Твой народ никогда не поднимется, пока вы не избавитесь от этих детских суеверий и не научитесь жить повинуюсь разуму и здравому смыслу» [6, 135], утверждает Джон в рассказе «Негритенок сестры Бекки». Однако, как демонстрируют сюжеты многих рассказов Джулиуса, пресловутые «естественные законы» лежат в основе человеческой самонадеянности и потребительского подхода к окружающей природе и человеку. То, что Джон называет подходом «собственника», оборачивается впоследствии ужасами рабства. Так в рассказе «Заколдованный виноградник» Дугал Макаду, стремясь получить больше денег, прибегает к обману, используя веру в силу колдовства, и неоднократно продает и покупает раба Генри. Его жадность в конце концов губит и раба, и виноградник. В рассказе «Бедный Сэнди» мы слышим скорбный плач раба, разлученного со своей женой по прихоти хозяина. А в рассказе «Негритенок сестры Бекки» мать разлучают с ребенком ради выгодной покупки скаковой лошади.

Продолжая традиции, заложенные «повествованиями беглых рабов», авторы которых, с документальной точностью воссоздавали картину жизни чернокожих, Ч. Чеснат включает в рассказы описание обрядов и верований для реализации идейно-эстетической задачи – выявить различия мировосприятия белого американца и чернокожего афроамериканца, обусловленные историко-культурным развитием двух народов.

Образ рассказчика, дядюшки Джулиуса Макаду, хитреца, хранителя традиций, знающего множество поучительных, веселых и страшных историй о «добром старом Юге», имеет сложную природу и восходит к фольклорному архетипу трикстера, «фигура которого представляет собой вневременной прообраз, корень всех плутовских созданий мировой литературы, охватывающий все времена и культуры» [2, 250]. В отличие от своих африканских прототипов этот персонаж в фольклоре черных американцев был лишен физической силы и выступал, как правило, в роли обманщика и плута, хитростью одерживавшего верх над более сильным противником. По мнению известного фольклориста Роджера Абрахама, будучи наделен жизненно важными чертами, такими как умение обвести кого угодно вокруг пальца, искрометным юмором и искусством игры в слова. Трикстер давал неграм возможность, «принимая навязанный им детский, ленивый, анималистический образ, заявить о себе» [3, 197], посмеяться над своим хозяином, и над собой. «Именно такой смех позволил им пережить трагедию рабства, тяготы жизни во времена расовой дискриминации» [5, 10], замечает Арна Бонтемп.

Джулиус Макаду, играя роль плута и хитреца по отношению к новому владельцу виноградника, несомненно, проявляет характерные для трикстера

черты. Развлекая северян волшебными историями о прошлом, он играет на сентиментальности белых по отношению к довоенному Югу вовсе не для того чтобы воздать ему хвалу, а чтобы остаться на плантации, где он прожил целую жизнь. Его простодушие, довольство своим положением, желание угодить будущему хозяину лишь маска, за которой скрывается природный ум и смекалка, необходимые чернокожему, вынужденному проявлять гибкость, угождая хозяину и соблюдая свои собственные интересы. Рассказ о достоинствах виноградника в истории о «Заколдованном винограднике», сопровождающийся облизыванием губ и закатыванием глаз, часть представления, стилизованного для определенной аудитории и необходимого Джулиусу, чтобы убедить Джона, что они не конкуренты в состязании за виноградник.

Невероятные истории Джулиуса, таким образом, всегда преследуют вполне конкретную цель – одержать верх над более сильным противником, обманом получив при этом определенную выгоду. На сходство Джулиуса с фольклорным персонажем впервые указал в своей монографии «Литературная карьера Чарльза Уоддела Чесната» Уильям Эндрюс [4]. Однако очевидно и отступление Ч. Чесната от фольклорной традиции как в изображении самого трикстера, так и представлении историй от нем. Если чернокожий герой, в фольклорных рассказах часто действовал сам по себе и в своих собственных интересах, что не удивительно, учитывая, что при системе рабовладения часто разлучались семьи, то Джулиус, ловкий и находчивый, как и полагается герою трикстеру действует не только в своих собственных интересах, но и заботится о том, чтобы у его родни была работа, а у местной паствы церковь. Хитрости Джулиуса слишком очевидны, чтобы Джон мог их не разгадать, а получаемая от них некоторая материальная выгода слишком мала для героя трикстера. Наделяя своего персонажа чертами трикстера, который в функциональном плане соответствует своему фольклорному прототипу, в содержательном плане Ч. Чеснат создает качественно иной тип персонажа – индивидуализированный образ чернокожего со своей этикой и культурой. Одевая на своего рассказчика маску трикстера, Ч. Чеснат обращается к важнейшему тропу в афроамериканской литературе пост военной эпохи, ставя вопрос о достоверности шаблонного комического образа чернокожего в американской культуре.

Фольклорный сюжет поединка, заимствованный Ч. Чеснатом из «Рассказов о Старом хозяине» [9] (*Old Master Trickster Tales*), представлявших собой бесконечное состязание в хитрости между рабом и его хозяином, в которых хозяин всегда старался заставить раба исполнять его волю, а находчивый раб по имени Джон всегда этому противился, видоизменяется, поднимая проблему необходимости новых социальных отношений между белыми и чернокожими в обществе после отмены рабства. Джон и Джулиус, объединенные общими интересами и обстоятельствами, успешно сотрудничают, меняясь по сути ролями. Джулиус, выросший и проработавший всю жизнь на плантации, является истинным ее хозяином, Джона же скорее можно принять за колонизатора, «чужого» на юге. Отношения между двумя героями выходят за рамки жанрового поведения, присущего фольклорным персонажам, а очевидная ограниченность понимания действительности

Джоном помогает читателю идентифицировать себя с чернокожим рассказчиком.

В образе другого персонажа, тетушки Пегги, чернокожей креольской колдуньи из Северной Каролины, просматриваются черты мифологического образа предка из древних африканских верований, сохранившихся в виде отдельных элементов в фольклоре афро-американцев. Черты типологического схождения обнаруживаются, когда тетушка Пегги выступает в роли хранительницы родовой памяти, традиций и обрядов чернокожих. Она знает, как заколдовать людей, животных, растения, готовит таинственные снадобья, собирает травы. Ее боятся и почитают все окрестные негры от «Рокфиша до Бивер-Крика». Одна из самых сильных местных ведьм, она «может вызвать ревматизм или столбняк, навести порчу», а по ночам способна «оседлать какого-нибудь негра и скакать на нем, как на муле» [6, 15]. Драматические коллизии многих рассказов разрешаются благодаря ее вмешательству. Будучи сквозным персонажем сборника «Колдунья», тетушка Пегги не только служит элементом циклизации, но и является значимой фигурой для понимания культурного сознания чернокожих.

В повествовательной структуре рассказов Ч. Чеснат прибегает к фольклорному приему «рассказ в рассказе», также восходящему в негритянской литературе к жанру «повествований беглых рабов». Наличие белого рассказчика, Джона, который якобы записал и издал истории о «старом юге», рассказанные ему бывшим чернокожим рабом, было данью времени и литературной моде. ««Белый автор» был персонажем, присутствия которого требовали издатели, скрывавшие от читателей негритянское происхождение Чесната» [1, 810], не без оснований утверждает исследователь О. Ю. Панова. Однако использование Ч. Чеснатом двух рассказчиков и соответственно двух языков, литературного-английского и негритянского диалекта, отвечает и собственно авторской задаче – подчеркнуть проецирование двух различных взглядов на мир, лежащих в основе формы и содержания сборника рассказов.

Взаимопроникновение литературного английского и негритянского диалекта создавало ситуацию лингвистического взаимодействия, при которой два языка и две системы ценностей представлены как равные. Примером языкового взаимодействия может служить описание виноградника Джоном и Джулиусом в рассказе «Заколдованный виноградник». Рассуждения Джона на литературном английском о достоинствах виноградника, его состоянии и видах на урожай звучат как оценка перспектив будущего предприятия. Его идеи выражаются логически и последовательно в тщательно подобранных предложениях. По контрасту с его рассуждениями описание Джулиуса на диалекте сосредоточено на удовольствии, которое он получает, наслаждаясь вкусом винограда. Облизывая губы и закатывая глаза, он стремится донести одну единственную идею, а именно, что вкус винограда волшебен. Различия в описании виноградника отражают разницу в ценностях двух народов, отраженную, в том числе и лингвистически.

Взаимопроникновение диалекта и литературно английского языка налицо, когда оба рассказчика, вступая в диалог, включают в свою речь выражения собеседника. Так Джон в рассказе «Ужасная история Марса Джима» сам произносит диалектное выражение «сильное колдовство»

(*powerful groopher*), повторяя его за Джулиусом. Жена Джона Анна в рассказе «Негритенок сестры Бекки» повторяет на литературном английском фразу, сказанную Джулиусом на диалекте: «это могло случиться полсотни раз и несомненно случалось» [6, 159]. В речи Джулиуса звучат географические названия, личные имена и звания на диалекте: Веллингтон становится «Wim'l'ton», Новый Орлеан «Noo Orleens», полковник Пенделтон «Kunnel Pen'leton». Речь белых и диалект чернокожих взаимопроникают и тогда, когда в рассказах Джулиуса появляются белые персонажи, речь которых он имитирует, что создает комический эффект. Так в рассказе «Негретенок сестры Бекки» плантатор использует высокопарные сентенции о южной чести лишь для того чтобы избежать неудачи при сделке по продаже лошадей. А в рассказе «Заколдованный виноградник» плантатор, обманом продав старика негра по высокой цене, пускается в пространные рассуждения о дружбе.

Два различных голоса, чередуясь в повествовании, сохраняют индивидуальную интонацию и точку зрения, создавая сложную повествовательную структуру, в которой «двуязычный сюжет» превращается в «диалогизированное повествование». Причем черный диалект, будучи включенным в языковую картину читателя, перестает занимать нижнюю иерархическую ступень по отношению к литературному английскому. Если до Ч. Чесната в афроамериканской словесности «существовало авторское творчество с использованием только литературной языковой нормы» [1, 810], а опыты с использованием диалекта чернокожими авторами были единичны, то рассказы сборника подтверждают легитимность устной культурной традиции чернокожих. Живая разговорная речь персонажей, говорящих на негритянском диалекте перестает восприниматься читателем как искажение литературного английского языка. Ч. Чеснат преодолевает традицию, сложившуюся в творчестве писателей колористов Дж. Харрисона, Дж. В. Кейбла, Т.Н. Пейджа и авторов юмористических рассказов конца XIX века, которые использовали диалект для создания комического эффекта при характеристике чернокожих персонажей.

Определяя границы между существующей афроамериканской литературной традицией в использовании фольклорного материала и новаторством автора сборника «Колдунья», стоит заметить, что Ч. Чеснат, видоизменяя фольклорные сюжеты, характеры и приемы повествования, сохраняет колорит и иносказательность фольклора, мотивы африканских анималистических сказок и следы мифологического восприятия мира, что позволяет ему решать целый ряд творческих задач, связанных с созданием оригинального образа чернокожего рассказчика и с постановкой новых для литературы рубежа XIX–XX вв. проблем расового дискурса.

Список литературы

1. История литературы США [Текст] : в 5 т. Т. 5. Литература начала XX в. ; отв. ред. Е. А. Стеценко, ред. М. М. Коренева. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 988 с.
2. Кереньи, Карл. Трикстер и древнегреческая мифология [Текст] / Карл Кереньи // Трикстер. Исследования мифов североамериканских индейцев. – СПб. : Питер, 1999. – С. 250–260.

3. Abrahams, D. Roger. Trickster, The Outrageous Hero [Текст] // American Folklore ; ed. by Tristram Coffin, III. – Washington, D. C. : US International Communication Agency, 1980. – P. 193–201.
4. Andrews, W.L. The Literary Career of Charles W. Chestnutt [Текст] / W. L. Andrews. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1980. – 317 p.
5. Bontemps, Arna. Introduction [Текст] / Arna Bontemps // The book of Negro Folklore ; ed. by Langston Hughes and Arna Bontemps. – New York, 1958. – P. 10.
6. Chesnutt, W. Charles. The Conjure Woman [Текст] / Charles W. Chesnutt. – Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, Cambridge 1899. – 229 p.
7. Cohen, Henning American Literature and American Folklore [Текст] // American Folklore ; ed. by Tristram Coffin, III. – Washington, D. C. : US International Communication Agency, 1980. – P. 269–278.
8. Gates, Jr. H. L. The Blackness of Blackness: A Critique of the Sign and the Signifying Monkey [Текст] / H. L. Jr. Gates Black // Literature and Literary Theory ; ed. by H.L. Gates, Jr. – New York., 1984. – P. 6.
9. Mules and Men [Текст] ; ed. Z. N. Hurston. – New York : Evanston, Harper and Row, 1970. – 343 p.
10. Spencer, Herbert. First Principle [Текст] / Herbert Spencer. – New York : D. Appleton and Company, 1864. – 612 p.

ON INTERACTION OF LITERATURE AND FOLKLORE IN CHARLES CHESNUTT'S COLLECTION OF SHORT STORIES "CONJURE WOMAN"

A. N. Kormilitsyna

Kuban State University,

The department foreign literature and comparative studies

The article analyzes Charles W. Chesnutt's stories "Conjure Woman" regarding the writer's approach to poetic reception of folklore. The context of Afro-American literary traditions is taken into account. It seeks to determine main functions of folklore elements in his short stories. Folklore components of Chesnutt's short stories are examined in their essential structural and substantial functions.

Key words: *Afro-American folklore, literary tradition, trickster, the image of ancestor, narrative forms, black dialect.*

Об авторах:

КОРМИЛИЦЫНА Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149), e-mail: korvasanna@yandex.ru